

Стихотворения
—
Серебряный век
русской поэзии

Москва
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С32

Серебряный век русской поэзии. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-161138-5

Серебряный век... Удивительный период в истории русской культуры, начавшийся в конце XIX века и прерванный октябрьским переворотом. Это было время интеллектуальных прозрений и социальных потрясений, получившее широкое воплощение в русском искусстве и литературе. Наряду с шедеврами Александра Блока и Анны Ахматовой, Сергея Есенина и Марины Цветаевой читатель найдет практически совершенные, поэтически прекрасные стихотворения десятков других мастеров стиха — от философа Андрея Белого до сатирика Саши Черного. Перед вами своего рода лирический дневник эпохи.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-161138-5

© Новгородова М.И., 2022
© Пастернак Б.Л., наследники, 2022
© Городецкий С.М., наследники, 2022
© Клычков С.А., наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

**Алексей Михайлович
Жемчужников
(1821—1908)**

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

1892, Стенькино

СЕБЕ

В родной семье певцов почтен не будешь ты
Ни шумной славою, ни славой долговечной;
Но ты оставишь след возвышенной мечты,
И скорби искренней, и думы человеческой.

1893

ПАУЗА

Морозный, тусклый день рисует предо мной
Картину зимнюю красы необычайной;
Покрытый инеем, недвижим сад немой.
Он замер, весь объят какой-то белой тайной.

Движенья ищет взор, переходя вокруг
С предмета на предмет; но тщетно: сад не дышит;
И, силясь уловить хоть мимолетный звук,
Слух напрягается, но ничего не слышит...

1893, Стенькино

С ГОР ПОТОКИ

Весна, весна — по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом...
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —

И в то же время повсеместно
Все о страданиях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат веселые ручьи.

1893, Стенькино

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

Блестящ и жарок полдень ясный,
Сажу на пне в лесной тени...
Как млеют листья в неге страстной!
Как томно шепчутся они!

О прошлом вспомнил я далеко,
Когда меня июльский зной,
Струясь живительным потоком,
Своей разнеживал волной.

Я с каждой мошкой, с травкой каждой,
В те годы юные мои,
Томился общею нам жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня те же мне мгновенья
Дарует неба благодать,
И возбужденного томленья
Я приступ чувствую опять.

Пою привет хвалебный лету
И солнца знойному лучу...
Но что рождает песню эту,
Восторг иль грусть, — не различу.

6 июля 1894, Ильиновка

* * *

Когда душа, расправив крылья,
Дерзает выпранный полет,
И я взнесусь не без усилия
Во область чистую высот, —
Как мяч, взлетевший ввысь невольно,
К земле я падаю, спеша;
И снова в узах жизни дольной
Задремлет грешная душа.

1895, Петербург

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕСОК ПРИ УСАДЬБЕ»

ВСТРЕЧА

Я в праздник, меж дубов, один бродя тоскливо,
С крестьянкой встретился. Румяна, молода,
Лицом приветлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мне ягод поднесла. Я был ей благодарен.
Смеясь и бусами играя на груди,
Она мне молвила: «Один, скучаешь, барин?»
А я ответил ей печально: «Проходи».

1896

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Одни — двуногое, пасущееся стадо,
Без дум, надежд и грез, которых людям надо.
Не зная ни тоски, ни порываний ввысь,
Они как бы в грязи для грязи родились.
Так есть животные, которым воспретила
Природа подымать к небесным высям рыла.
Другие — до того чуждаются земли,
Что в мир неведомый из нашего ушли.
Когда их над землей, как духов, носят крылья,
Они с своих высот, из рога изобилья
Нам сыплют песенок летучие листки.
И ропщем мы: «Зачем, рассудку вопреки,
Нам эти пряности и эти карамели,
Меж тем как досыта и хлеба мы не ели?»
Итак — две крайности. Когда одна из двух
Иль обе вместе наш пленять желают слух —
Та хрюканьем свиным, а эта птичьей песней, —
Решить я не берусь, из них что интересней —
Лишь люд бы людом был! Вот отповедь моя!
А птицей, и свиньей... уж птица и свинья.

1896

* * *

Так прочен в сердце и в мозгу
Высокий строй эпохи прошлой,
Что с современностью пошлой
Я примириться не могу.

Но я, бессильный, уж не спорю
И, вспоминая старину,

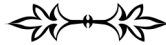
Не столь волнуясь и кляню,
Как предаюсь тоске и горю...

Что я?.. Певец былых кручин;
Скрижалей брошенных обломок;
В пустынном доме, в час потемок,
Я — потухающий камин.

То треск огня совсем затихнет,
Как будто смерть его пришла;
То дрогнет теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнет.

Тогда тревожно по стенам
Толпой задвигаются тени
И лица прежних поколений
Начнут выглядывать из рам.

1898

**Константин Константинович
Случевский
(1837—1904)**

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Стони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему оне? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

* * *

Не померяться ль мне с морем?
Вволю, всласть души?
Санки крепки, очи зорки,
Кони хороши...
И нечитанные версты
Понеслись назад,
Где-то, мнится, берег дальний
Различает взгляд.

Кони шибче, веселее
Мчат во весь опор...
Море места прибавляет,
Шире кругозор.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А нечитанные версты
Сзади собрались
И кричат, смеясь, вдогонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нет в них силы,
Клонят морды в снег...

Ну, пускай другой, кто хочет,
Продолжает бег!

И не в том теперь, чтоб дальше...
Всюду — ширь да гладь!
Вон как вдруг запорошило...
Будем умирать!

1898

* * *

Вконец окружены туманом прежних дней,
Все неподвижной мы, в желаньях тяжелей;
Все уже горизонт, беззвучнее мечты,
На все спускаются завесы и щиты...

Глядишь в прошедшее, как в малое окно;
Там все так явственно, так все озарено,
Там светят тысячи таинственных огней;
А тут — совсем темно и, что ни час, темней...

Весь свет прошедшего как бы голубоват.
Цвет взглядов юности! Давно погасший взгляд.
И сам я освещен сиянием зари...
Заря в свершившемся! Любуйся и смотри!..
Как ясно чувствую и как понятно мне,
Что жизнь была полней в той светлой стороне!
И что за даль видна за маленьким окном —
В моем свершившемся, чарующем былом!

Ведь я там был в свой час, но я не сознавал.
И слышу ясно я — мне кто-то прошептал:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотреть!
Но, чтоб туда пройти, ты должен умереть!»

1900

* * *

Пускай основы правды зыбки,
Пусть всё безумно в злобе дня, —
Доброжелательной улыбки
Им не лишить теперь меня!

Я дом воздвиг в стране бездомной,
Решил задачу всех задач, —
Пускай ко мне, в мой угол скромный,
Идут и жертва, и палач...

Я вижу, знаю, постигаю,
Что все должны быть прощены;
Я добр — умом, я утешаю
Тем, что в бессилье все равны.

Да, в лоно мощного покоя
Вошел мой тихий «Уголок» —
Взросший в грудах перегноя
Очаровательный цветок...

1895—1901

* * *

С простым толкую человеком...
Телега, лошадь, вход в избу...
Хвалю порядок в огороде,
Хвалю оконную резьбу.

Всё — дело рук его... Какая
В нем скромных мыслей простота!
Не может пошатнуться вера,
Не может в рост пойти мечта.

Он тридцать осеней и весен
К работе землю пробуждал;
Вопрос о том, зачем все это, —
В нем никогда не возникал.

О, как жестоко подавляет
Меня спокойствие его!
Обидно, что признание это
Не изменяет ничего...
Ему — раек в театре жизни,
И слез, и смеха простота;
Мне — злобы дня, сомненья, мудрость
И — на вес золота мечта!

1895—1901

* * *

Я мыслить жажду потому, что в этом —
Живой покой, святая тишина,
Все полно ясным, нетревожным светом,
В душе легко, и ясно даль видна!

И если мгла за некоторой гранью
Перед умом слегка скрывает даль, —
Страдать от этого немислимо сознанию:
Мне жаль, что — мгла, но мне спокойно жаль...

Тогда как в чувствах столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаний духа и страданий воли —
Успокоенье только в забытии, —

Что все восторги страстных наслаждений,
Всех оргий чувств за время лучших лет

Не искупят безвременных мучений,
Всегда идущих оргиям вослед...

А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

<1901>

* * *

Как? Опять Страшный суд! мне вослед, по пятам!
Но ведь это совсем невозможно!
Я в земле не лежал на поживу червям?
Это страшно, ужасно, безбожно...
А воскресшие шли от начальных начал,
От конечных концов приходили:
Громкий благовест в небе пылавшем звучал,
Солнца пели и звезды звонили!
И не видел я вовсе страдальческих лиц,
Что, бывало, в гробах поражали:
Все в молитвенном шествии падали ниц!
И, поднявшись, на небо взирали.
Грохот слышался всюду от глыб земляных,
Что валились в пустые могилы;
Треск от царских гробниц, в разрушении их
Повеленьем неведомой силы...
Разрушалась и Смерть. В ней погасла алчба,
Слух погас, затуманилось зренье,
Постигала ее каждой жизни судьба —
Прикоснулось весильное тленье!

Проходили вблизи ее сонмы людей,
Шел и я, все мы вдаль уходили...
Боль затихла в груди... Прежде было больней...
Но зачем вы глаза мне закрыли?
Ведь я вижу сквозь медь... Слышу говор людской...
Что-то жгучее дали мне! жгите!!!
А я все-таки буду опять сам собой...
Да! Я выпорхну! Ну-ка! Ловите!

1902

* * *

Умер я! Есть ощущения:
Не понять их, не познав
Новость первого мгновения!
Я окреп, нетленным став...
Ночь!.. Вдали земля туманная,
Мать всех в мире матерей,
Мне в былом обетованная
И очаг души моей!
Полуночица усталая,
Без меня несешься ты,
Вся больная, захудалая,
В стогнах вечной немоты...
А путям твоим и следу нет!
Но, кому бессмертным стать,
На тебе родиться следует,
На тебе и умирать!
Умер я... Там, в темной темени,
Ты мелькаешь огоньком...
Там есть смерть! Там царство времени!
Там родные мне, мой дом!
Уносись же, горе-странница,

Как корабль среди зыбей,
В мириадах звезд избранница
И очаг души моей.
Я отпетый, я отчитанный,
Молча вслед тебе смотрю,
И в трудах, в скорбях воспитанный,
Смерть пройдя, — благодарю...

1902

БЫТЬ ЛИ ПЕСНЕ?

Какая дерзкая нелепость
Сказать, что будто бы наш стих,
Утратив музыку и крепость,
Совсем беспомощно затих!

Конечно, пушкинской весной
Вторично внукам, нам, не жить:
Она прошла своей чредою,
И вспять ее не возвратить.

Есть весны в людях, зимы глянут
И скучной осени дожди,
Придут морозы, бури грянут,
Ждет много горя впереди...

Мы будем петь их проявленья
И вторить всем проклятьям их;
Их завыванья, их мученья
Взломают вглубь красивый стих...
Переживая злые годы
Всех извращений красоты, —

Константин Константинович Случевский

Наш стих, как смысл людской природы,
Обезобразишься и ты;

Ударясь в стоны и рыдания,
Путем томления пройдешь.
Минуешь много лет страдания —
И наконец весну найдешь!

То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...
Отселе слышу новых звуков
Еще не явленный полет.

1903

**Владимир Сергеевич
Соловьев
(1853—1900)**

* * *

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

1872

* * *

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел:
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, —
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Преодо мною царица моя, —
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

1875

* * *

Земля — владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Пустынька. Май 1886

* * *

Три дня тебя не видел, ангел милый, —
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди.

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом все в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Все гордое сознание,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

31 января 1892

* * *

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути
И с тобой, тобой одною,
Мог я счастье найти, —

Оттого ли, потому ли, —
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

Между 9 и 15 июня 1892

* * *

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновления
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

И небо высилось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовью земною,
И над земною суетой...

16 июня 1892

* * *

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно паришь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облако бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

ПАНМОНГОЛИЗМ

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл Божественный алтарь
И отреклся от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, —

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

Пусть так! Орудий Божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

1 октября 1894

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

<1895>

DAS EWIG-WEIBLICHE¹

Слово увещательное к морским чертям

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я — они уже там!

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафос,
Первое в жизни неожиданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силою,
Черти, недолго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

---

¹ Вечная Женственность (нем.).

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнушем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы все же мужчины —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

8—11 апреля 1898, Архипелаг

У СЕБЯ

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов...
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает бывшее без слов.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В царство времени все я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгом заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899

**Иннокентий Федорович
Анненский
(1856—1909)**

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

ОСЕННИЙ РОМАНС

Гляжу на тебя равнодушно,
А в сердце тоски не уйму...
Сегодня томительно душно,
Но солнце таится в дыму.

Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я, — а ты?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листья...

Судьба нас сводила слепая:
Бог знает, мы свидимся ль *там...*
Но знаешь?.. Не смейся, ступая
Весною по мертвым листьям!

1903

Поэзия

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

<1904>

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний.
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженьи годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

<1904>

СВЕЧКА ГАСНЕТ

В темном пламени свечи
Зароившись как живые,
Мигом гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набеги сна,

Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

<1904>

ЛИСТЫ

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

<1904>

В ДОРОГЕ

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рош
Точно блеск молочный льется.

Иннокентий Федорович Анненский

В этом чайные утра
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребчий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих,
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть.

<1904>

ТРИЛИСТНИК СУМЕРЕЧНЫЙ

1

СИРЕНЕВАЯ МГЛА

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синее тонкий лед,
Там часочек погощу я, кончив лёт,

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

2

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так черны облака.
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито, — желанье и тоска,
Там все, что близится, — унылость и забвенья,

Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

Лето 1904, Ялта

3

СВЕЧКУ ВНЕСЛИ

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

<1906>

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?

Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

1909

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю замирание эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Иннокентий Федорович Анненский

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

БАБОЧКА ГАЗА

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волнении не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах...

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

* * *

Когда б не смерть, а забытье,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя — не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

СНЕГ

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Иннокентий Федорович Анненский

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

ЧТО СЧАСТЬЕ?

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное *прости*?

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастье бьется,
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг — и ввысь оно взовьется
Невозвратно и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознания,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит.

Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...

ДВЕ ЛЮБВИ

С. В. ф.-Штейн

Есть любовь, похожая на дым;
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым, но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

ТО И ЭТО

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача, тает только лед,

И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут даром, тая,
Ледышки на голове:
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Всё простит им... если это
Только *Это*, а не *То*.

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?

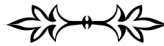
Не мигнул фитиль горящий,
Не забыл ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

СОН И НЕТ

Нагорев и трепеща,
Сон навеяла свеча...
В гулко-каменных твердынях
Два мне грезились луча,

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Два любимых, кротко-синих
Небо видевших луча
В гулко-каменных твердых.
Просыпаюсь. Ночь черна.
Бред то был или признание?
Путы жизни, чары сна
Иль безумного желанья
В тихий мир воспоминанья
Забежавшая волна?
Нет ответа. Ночь душна.

**Николай Максимович
Минский
(1856—1937)**

ВОЛНА

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.

К берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
В море бегущая,
Вольнолюбивая.

В бездне рожденная,
Смертью грозящая,
В небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

<1895>

ПОСВЯЩЕНИЕ

Liberta va cercando...¹

Чистилище, I, 71

Я цепи старые свергаю,
Молитвы новые пою.
Тебе, далекой, гимн слагаю,
Тебя, свободную, люблю.

Ты страсть от сердца отрешила,
Твой бледный взор надежду сжег.
Ты жизнь мою опустошила,
Чтоб я постичь свободу мог.

Но, впавшей в океан бездонный,
Возврата нет волне ручья.
В твоих цепях освобожденный,
Я — вечно твой, а ты — ничья.

1896

* * *

Не месяц за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую,
Я полюбил падучую звезду,
Я полюбил небес изгнанницу больную.

Среди надменных звезд, сверкавших без числа,
Горевших, как венцы, струившихся, как реки,
Она слезой по небу потекла,
И в этот миг ее я полюбил навеки.

---

¹ Он ищет свободу... (итал.)

О, жаркая слеза полуночи немой,
Упавшая на грудь холодного эфира, —
Куда, куда, объята вечной тьмой,
Ты, одинокая, летишь пустыней мира?

Мой Гений плачущий, прикованный к земле,
Тебе вослед глядит с молитвой сокровенной:
О, если б и ему блеснуть во мгле
И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!

* * *

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Легкий ветер в кустах вдруг в веселии пьяном
Полетит над землей ураганом...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Звезды станут недвижно средь темного свода,
И висеть будет ночь без исхода...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И от счастья и муки порвется...

* * *

Быть может, мир прекрасней был когда-то,
Быть может, мы отвержены судьбой.
В одно, друзья, в одно я верю свято,
Что каждый век быть должен сам собой.

Нет, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлых дней.

Мы, отрицая, так же служим богу,
Как наши предки — верою своей.

Пусть мы пьем из ядовитой чаши.
Но если Бог поставил миру цель,
Без нас ей не свершиться. Скорби наши —
Грядущих ликований колыбель.

Мои сомненья созданы не мною,
Моя печаль скрывается в веках.
Знать, вера предков родилась больною
И умереть должна у нас в сердцах.

Из рук судьбы свой крест беру смиренно,
Сомнений яд хочу испить до дна.
Лишь то, чем мы живем, для нас священо —
И пусть придут иные времена!

* * *

Я влюблен в свое желанье полюбить,
Я грущу о том, что не о чем грустить.
Я земную повесть знаю наизусть.
Мир, как гроб истлевший, страшен или пуст.

В проповеди правды чую сердцем ложь,
В девственном покое — сладострастья дрожь.
Мне жалка невинность, мне презренен грех,
Люди мне чужие, я — чужее всех.

Лишь одно отринуть чувство не могу,
Лишь одну святыню в сердце берегу,
Возмущенье миром, Богом и судьбой,
Ужас перед ближним, страх перед собой.

* * *

Нет счастья, как весною ранней
Завянуть почкой молодой,
С любовью к солнцу, с верой чистой,
Что ветры ласковы всегда,
Лазурь безоблачна, душисты
Ковры лугов, светла вода...
О, если б знала ты, как больно
Не вдруг, а тихо и невольно
Разочаровываться в них,
Увидеть смерть надежд своих,
Все пережить их до единой
И лепесток за лепестком
Ронять, когда весь мир кругом
Томится медленной кончиной!
Видать, как солнце с каждым днем
Все злее смотрит из-за тучи,
И в темный вечер под дождем
Свалиться в общий рой летучий...
Любовь трехдневная моя!
Как юный цвет в начале мая,
С души срываю я тебя,
Твою судьбу благословляя...

* * *

Многогрешными устами
Много грешных уст и чистых
Целовал я под лучами
Дня и в тьме ночей душистых.

Целовал их после пышных
Клятв и пламенных признаний,

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Целовал без слов излишних
В торопливом обладаньи.

Клятвы все давно забыты,
Как слова туманной сказки,
И в забвеньи общем слиты
Ими купленные ласки.

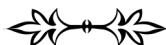
Вы ж доньне в сердце живы,
О случайные свиданья,
Легких встреч восторг нелживый,
Безымянные лобзанья.

* * *

В твой детский взор, пытливо-грешный,
Глядится опытный мой взор,
Как мертвый месяц ночью вешней
В стекло чуть вскрывшихся озер.

В тебе мечта о сладострастии
Сияет утренней звездой.
Во мне мечта о том же счастье
Горит, как вечер над водой.

Одним безумьем мы сгораем
Среди видений наготы,
И если б вновь владел я раем,
Я б вновь им пренебрег, как ты.

**Константин Михайлович
Фофанов
(1862—1911)**

* * *

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята, —
В ней звуки любви отзвенели.

В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страдает, —
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

* * *

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листки изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали цветам сказки нежные, —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля под весенними ласками
Наряжалась тканью зеленою,

Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!

Декабрь 1885

СТАНСЫ

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!

Слепая страсть, волнуясь, живет,
А мысль — в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!

А дни идут... На мертвое «вчера»
Воскресшее «сегодня» так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..

Октябрь 1888

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем;

Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею;
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася;
Ей любить пришла пора —
Засмеялась... разрыдалась...
И умолкла до утра!..

1892

* * *

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Недомолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречались
И расстанемся без слез.

Только что-то недосказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

1893

* * *

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют темные леса,
Небо блещет, точно море,
Море — точно небеса.

Сосны — в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком

Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком.

<1896>

ДУША ПОЭТА

Таинственный сумрак
В глубокой пещере;
Там гении неба
И хищные звери.

Там веет цветами
Забытого рая;
Там сырость могилы
И бездна земная.

Там два есть колодца
С кристальной водою:
С премудростью здоровой
И с ложью больною.

Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокошет;
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.

Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампы, —
Скрываются в норы
И змеи, и гады.

Пещера сияет,
Как храм величавый,

И небо в ней блещет
Нетленною славой.

Узорами радуг
Свивается плесень,
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Июнь 1897

ДЕКАДЕНТАМ

Бледная, с поблекшими чертами,
А в очах огонь безумных грез.
Вот она!.. Вокруг ее — хаос
И жрецы с подъятыми власами.

Бьют они в горячечную грудь,
И вопят они о чем-то непонятном,
Но не их кадилом — ароматным
Свежим воздухом пора вздохнуть!

Прочь, рабы! И прочь, князя уродства,
Душен ваш бесчувственный огонь...
Прочь, фигляры! Маску донкихотства
Пусть сорвет с вас дерзкая ладонь!

Нет, не гром вас божий покарает,
Хохот черни злобно вас убьет...
Ваша Муза — как больной урод,
Что себя собою утешает!

Чернь дерзка, но искренна порой...
Ваша Муза — мумия пред нею...

Константин Михайлович Фофанов

И пророк грядущего — метлой
Вас прогонит, с вами — вашу фею,
Вашу Музу с гаерской клюкой!

1900

ОСЕНЬ

Уж холодом веет осенним,
И мнится, вершины шумят:
Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко-пурпурный наряд.

И мнится — цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют, молча головки склоняя,
Как в день роковых похорон.

И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.

Природа устала, — и скоро
Ко сну ее склонит недуг,
Но жизнь суетная для взора,
Для сердца все то же вокруг.

Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней, —
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.

Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула
В окне красноватым пятном.

И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвой.

<1900>

СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ

Месяц всходит выше... выше...
Снег посеребрил.
Тень легла на снег от крыши,
От резных перил.

От амбара и от бани
Тени на дворе.
Небо, будто бы в тумане,
В млечном серебре.

Облака бегут... Крепчает
Молодой мороз.
Месяц искры зажигает
На ветвях берез.

12 декабря 1904

НА ПРОСПЕКТЕ

Каменный дом, точно клетка огромная,
Щелями окон тускло глядит.
Лестница длинная, лестница темная
Вьется все выше и звонко молчит.

Чьи-то шаги раздаются поспешные
По невеселым, крутым ступеням...
Чувства неверные, помыслы грешные,
Тут зарождаются, гаснут не там.

Много здесь окон и много — страдания,
Много открытых и тайных дверей.
Слышатся звуки то слез, то лобзания,
Видятся скорбь и отвага очей.

В улице шум и движенье греховное,
Мечутся люди, спешат и спешат,
К силе телесной стремится духовное,
К раю стремится низвергнутый ад...

1906

* * *

Я хотел бы страдать, но не в силах страдать,
Я хотел бы любить, но любить не могу.
Раз умершим цветам можно вновь расцветать
Даже в дождь и во тьму на осеннем лугу.
Раз угасшему дню можно снова взойти,
Озаряя лучами небес вышину, —
Но что раз потерял на житейском пути,
Нам того не иметь, нам того не найти,
Как в сиянии дня золотую луну.

20 декабря 1906

ЭЛЕГИЯ

Папироса... Еще и еще папироса...
Я курю и в окошко смотрю.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Над водою все ласточки кружатся косо.
Покурил. Закурил. И курю.

Мысли — злы. Для мучений большого вопроса
Нет ответа иль бледен ответ.
Папироса. Еще и еще папироса...
А забвения думам мучительным — нет.

Пепел стол весь усыпал... С тупого откоса
В пруд сбегают утята толпой.
Папироса. Еще и еще папироса...
Как все глупо, старо, Боже мой!

24 января 1909

**Семен Яковлевич
Надсон
(1862—1887)**

ИДЕАЛ

Не говори, что жизнь — игрушка
В руках бессмысленной судьбы,
Беспечной глупости пирушка
И яд сомнений и борьбы.
Нет, жизнь — разумное стремленье
Туда, где вечный свет горит,
Где человек, венец творенья,
Над миром высоко царит.

Внизу, воздвигнуты толпою,
Тельцы минутные стоят
И золотою мишурою
Людей обманчиво манят;
За этот призрак идеалов
Немало сгибнуло борцов,
И льется кровь у пьедесталов
Борьбы не стоящих тельцов.

Проходит время, — люди сами
Их свергнуть с высоты спешат
И, тешась новыми мечтами,
Других тельцов боготворят;

Но лишь один стоит от века,
Вне власти суетной толпы, —
Кумир великий человека
В лучах духовной красоты.

И тот, кто мыслию летучей
Сумел подняться над толпой,
Любви оценит свет могучий
И сердца идеал святой;
Он бросит все кумиры века,
С их мимолетной мишурой,
И к идеалу человека
Пойдет уверенной стопой!

27 июня 1878

РОМАНС

Я вас любил всей силой первой страсти.
Я верил в вас, я вас боготворил.
Как верный раб, все иго вашей власти
Без ропота покорно я сносил.

Я ждал тогда напрасно сострадания.
Был холоден и горд ваш чудный взгляд.
В ответ на яд безмолвного страдания
Я слышал смех и колких шуток ряд.

Расстались мы — но прежние мечтанья
В душе моей ревниво я хранил
И жадно ждал отрадного свиданья,
И этот час желаемый пробил.

Пробил, когда, надломанный судьбою,
Устал я жить, устал я ждать любви
И позабыл измученной душою
Желания разбитые мои.

23 июля 1878

Иуда

I

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моления воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах его лица,
И он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал —
И мир его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

II

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голгофу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты.
Над ним, подобно великанам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели
Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели
С своей безбрежной вышины.
Но третий крест был пуст. Друзьями
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

III

Чье затаенное рыданье
Звучит у среднего креста?
Кто этот человек? Странанье
Горит в чертах его лица.
Быть может, с жадной исцеленья
Он из далеких стран спешил,
Чтоб Иисус его мученья
Всесильным словом облегчил?

Уж он готовился с мольбою
Упасть к ногам Христа — и вот
Вдруг отовсюду узнает,
Что тот, кого народ толпою
Недавно как царя встречал,
Что тот, кто свет зажег над миром,
Кто не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал, —
Погиб, заброшенный презреньем,
Измятый пыткой и мученьем!..
Быть может, тайный ученик,
Склонясь усталой головою,
К кресту Учителя приник
С тоской и страстною мольбою?
Быть может, грешник непрощенный
Сюда, измученный, спешил,
И здесь, коленопреклоненный,
Свое раскаянье излил? —
Нет, то Иуда!.. Не с мольбой
Пришел он — он не смел молиться
Своей порочною душой;
Не с телом Господа проститься
Хотел он — он и сам не знал,
Зачем и как сюда попал.

IV

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный
На место казни шел Христос
И крест, изнемогая, нес,
Иуда, притаившись, видел
Его страданья и сознал,

Кого безумно ненавидел,
 Чью жизнь на деньги променял.
 Он понял, что ему прощенья
 Нет в беспристрастных небесах, —
 И страх, бессильный рабский страх,
 Угрюмый спутник преступленья,
 Вселился в грудь его. Всю ночь
 В его больном воображеньи
 Вставал Христос. Напрасно прочь
 Он гнал докучное виденье;
 Напрасно думал он уснуть,
 Чтоб все забыть и отдохнуть
 Под кровом молчаливой ночи:
 Пред ним, едва сомкнет он очи,
 Все тот же призрак роковой
 Встает во мраке, как живой! —

V

Вот Он, истерзанный мученьем,
 Апостол истины святой,
 Измятый пыткой и презреньем,
 Распятый буйною толпой;
 Бог, осужденный приговором
 Слепых, подкупленных судей!
 Вот он!.. Горит немым укором
 Небесный взор его очей.
 Венец любви, венец терновый
 Чело Спасителя язвит,
 И, мнится, приговор суровый
 В устах разгневанных звучит...

«Прочь, непорочное виденье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на час, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель твой рыдает
У ног твоих... О, пощади!
Твой взор мне душу разрывает...
Уйди... исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готов слезами
Мой поцелуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Бог.. Ты можешь все простить!
.....
А я? я знал ли сожаленье?
Мне нет пощады, нет прощенья!»

VI

Куда уйти от черных дум?
Куда бежать от наказания?
Устала грудь, истерзан ум,
В душе — мятежные страдания.
Безмолвно в тишине ночной,
Как изваянье, без движенья,
Все тот же призрак роковой
Стоит залогом осужденья...
И здесь, вокруг, горя луной,
Дыша весенним обаяньем,
Ночь разметалась над землей
Своим задумчивым сияньем.
И спит серебряный Кедрон,
В туман прозрачный погружен...

VII

Беги, предатель, от людей
И знай: нигде душе твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Где б ни был ты, везде с тобой
Пойдет твой призрак роковой
Залогом мук и осужденья.
Беги от этого креста,
Не оскверняй его лобзаньем:
Он свят, он освящен страданьем
На нем распятого Христа!

.....
И он бежал!..
.....

VIII

Полнебосклона
Заря пожаром обняла
И горы дальнего Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами
В венце сверкающих лучей.
Все ожило... шумит ветвями
Лес, гордый великан полей,
И в глубине его струями
Гремит серебряный ручей...
В лесу, где вечно мгла царит,
Куда заря не проникает,
Качаясь, мрачный труп висит;
Над ним безмолвно расстилает
Осина свой покров живой

И изумрудною листвою
Его, как друга, обнимает.
Погиб Иуда... Он не снес
Огня глухих своих страданий,
Погиб без примиренных слез,
Без сожалений и желаний.
Но до последнего мгновенья
Все тот же призрак роковой
Живым упреком преступленья
Пред ним вставал во тьме ночной.
Все тот же приговор суровый,
Казалось, с уст Его звучал,
И на челе венец терновый,
Венец страдания лежал!

1879

* * *

Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею
Неподвижно и низко висят облака;
Желтый лес отуманен свинцовой мглою,
В желтый берег без умолку бьется река...
В сердце — грустные думы и грустные звуки,
Жизнь, как цепь, как тяжелое бремя, гнетет.
Призрак смерти в тоскующих грезах встает,
И позорно упали бессильные руки...

Это чувство — знакомый недуг: чуть весна
Ароматно повеет дыханием мая,
Чуть проснется в реке голубая волна
И промчится в лазури гроза молодая,
Чуть в лесу соловей про любовь и печаль
Запоет, разгоняя туман и ненастье, —

Сердце снова запросится в ясную даль,
Сердце снова поверит в далекое счастье...

Но скажи мне, к чему так ничтожно оно,
Наше сердце, — что даже и мертвой природе
Волновать его чуткие струны дано,
И то к смерти манить, то к любви и свободе?..
И к чему в нем так беглы любовь и тоска,
Как ненастной и хмурой осенней порою
Этот белый туман над свинцовой рекою
Или эти седые над ней облака?

1880

* * *

Вся в кустах утонула беседка;
Свежей зелени яркая сетка
По стенам полусгнившим ползет,
И сквозь зелень в цветное оконце
Золотое весеннее солнце
Разноцветным сиянием бьет.
В полумраке углов — паутина;
В дверь врываются ветви жасмина,
Заслоня дорогу и свет;
Круглый стол весь исписан стихами,
Весь исчерчен кругом вензелями,
И на нем позабытый букет...

1880

* * *

Душа наша — в сумраке светоч приветный.
Шел путник, зажег огонек золотой, —
И ярко горит он во мгле беспросветной,

И смело он борется с вьюгой ночной.
Он мог бы согреть — он так ярко сияет,
Мог путь озарить бы во мраке ночном,
Но тщетно к себе он людей призывает, —
В угрюмой пустыне все глухо кругом...

1880

ПАМЯТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Когда в час оргии, за праздничным столом
Шумит кружок друзей, беспечно торжествуя,
И над чертогами, залитыми огнем,
Внезапная гроза ударит, негодуя, —
Смолкают голоса ликующих гостей,
Бледнеют только что смеявшиеся лица, —
И, из полубогов вновь обратясь в людей,
Трепещет Валтасар и молится блудница.

Но туча пронеслась, и с ней пронесся страх...
Пир оживает вновь: вновь раздаются хоры,
Вновь дерзкий смех звучит на молодых устах,
И искрятся вином тяжелые амфоры;
Порыв раскаянья из сердца изгнан прочь,
Все осмеять его стараются скорее, —
И праздник юности, чем дальше длится ночь,
Тем все становится развратней и пошлее!..

Но есть иная власть над пошлостью людской,
И эта власть — любовь!.. Создания искусства,
В которых теплится огонь ее святой,
Сметают прочь с души позорящие чувства;
Как благодатный свет, в эгоистичный век

Любовь сияет всем, все язвы исцеляет, —
И не дрожит пред ней от страха человек,
А край одежд ее восторженно лобзает...

И счастлив тот, кто мог и кто умел любить:
Печальный терн его прочней, чем лавр героя,
Святого подвига его не позабыть
Толпе, исторгнутой из мрака и застоя.
На смерть его везде откликнутся друзья,
И смерть его везде смутит сердца людские,
И в час разлуки с ним, как братская семья,
Над ним заплачет вся Россия!..

1881

* * *

Если любить — бесконечно томиться
Жаждой лобзаний и знойных ночей, —
Я не любил — я молился пред ней
Так горячо, как возможно молиться.
Слово приветна на чистых устах,
Не оскверненных ни злобой, ни ложью,
Все, что, к ее преклоненный подножью,
Робко желал я в заветных мечтах...
Может быть, тень я любил: надо мной,
Может быть, снова б судьба насмеялась
И оскверненное сердце бы сжалось
Новым страданьем и новой тоской.
Но я устал... Мне наскучило жить
Пошлою жизнью; меня увлекала
Гордая мысль к красоте идеала,
Чтоб, полюбив, без конца бы любить...

1882

* * *

Не вини меня, друг мой, — я сын наших дней,
Сын раздумья, тревог и сомнений:
Я не знаю в груди беззаветных страстей,
Безотчетных и смутных волнений.
Как хирург, доверяющий только ножу,
Я лишь мысли одной доверяю, —
Я с вопросом и к самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!..

Ты прекрасна в порыве твоём молодом,
С робкой нежностью первых признаний,
С теплой верой в судьбу, с детски ясным челом
И огнем полудетских лобзаний;
Ты сильна и горда своей страстью, — а я...
О, когда б ты могла, дорогая,
Знать, как тягостно борется дума моя
С обаяньем наставшего рая,
Сколько шепчет она мне язвительных слов,
Сколько старых могил разрывает,
Сколько прежних, развеянных опытом снов
В скорбном сердце моем подымает!..

1883

* * *

Давно в груди моей молчит негодование.
Как в юности, не рвусь безумно я на бой.
В заветный идеал поблекло упование,
И, отдаленных гроз заслышав громыханье,
Я рад, когда они проходят стороной.

Их много грудь о грудь я встретил, не бледнея.
Я прежде не искал, — я гордо ждал побед.

Но ближе мой закат — и сердце холоднее,
И встречному теперь я бросить рад скорее
Не дерзкий зов на бой, а ласковый привет.

Я неба на земле искать устал... Сомненья
Затмили тучею мечты минувших дней.
Мне мира хочется, мне хочется забвенья.
Мой меч иззубрился, и голос примиренья
Уж говорит со мной в безмолвии ночей.

Весна 1883

* * *

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле — наслаждение рая!..
Поцелуй — первый шаг к охлаждению: мечта
И возможной, и близкою стала;
С поцелуем роняет венки чистота,
И кумир низведен с пьедестала;
Голос сердца чуть слышен, зато говорит
Голос крови и мысль опьяняет:
Любит тот, кто безумней желаньем кипит,
Любит тот, кто безумней лобзает..
Светлый храм в сладострастный гарем обращен.
Смокли звуки священных молений,
И греховно-пылающий жрец распален
Знойной жаждой земных наслаждений.

Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам
И горевший стыдливой мольбою,
Нагло бродит теперь по открытым плечам,
Обнаженным бесстыдной рукою...
Дальше — миг наслаждения, и пышный цветок
Смят и дерзостно сорван, и снова
Не отдаст его жизни кипучий поток,
Беспощадные волны былого...
Праздник чувства окончен... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

1883

* * *

Довольно я кипел безумной суетою,
Довольно я сидел, склонившись за трудом.
Я твой, родная глушь, я снова твой душою,
Я отдохнуть хочу в безмолвии твоём!..
Не торопись, ямщик, — дай надышаться вволю!..
О, ты не испытал, что значит столько лет
Не видеть ни цветов, рассыпанных по полю,
Ни роши, пеньем птиц встречающей рассвет!
Не радостна весна средь омута столицы,
Где бледный свод небес скрыт в дымовых клубах,
Где задыхаешься, как под плитой гробницы,
На тесных улицах и в каменных домах!
А здесь — какой простор! Как весело ныряет
По мягким колеям гремящий наш возок,
Как нежно и свежо лесок благоухает,
Под золотом зари березовый лесок...
Вот спуск... внизу ручей. Цветущими ветвями
Душистые кусты поникли над водой,

А за подъемом даль, зелеными полями
Раскинувшись, слилась с небесной синевою.

1884

* * *

Наше поколение юности не знает,
Юность стала сказкой миновавших лет;
Рано в наши годы дума отравляет
Первых сил размах и первых чувств рассвет.
Кто из нас любил, весь мир позабывая?
Кто не отрекался от своих богов?
Кто не падал духом, рабски унывая,
Не бросал щита перед лицом врагов?
Чуть не с колыбели сердцем мы дряхлеем,
Нас томит безверье, нас грызет тоска...
Даже пожелать мы страстно не умеем,
Даже ненавидим мы исподтишка!..

О, проклятье сну, убившему в нас силы!
Воздуха, простора, пламенных речей, —
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всем биеньем нервов, всем огнем страстей!
О, проклятье стонам рабского бессилья!
Мертвых дней унынья после не вернуть!
Загоритесь, взоры, развернитесь, крылья,
Закипи порывом, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу с пороком,
Сердце с братским сердцем и с рукой рука, —
Пусть никто не может вымолвить с упреком:
«Для чего я не жил в прошлые века!..»

1884

* * *

Как каторжник влачит оковы за собой,
Так всюду я влачу среди моих скитаний
Весь ад моей души, весь мрак пережитой,
И страх грядущего, и боль воспоминаний...
Бывают дни, когда я жалок сам себе:
Так я беспомощен, так робок я, страдая,
Так мало сил во мне в лицо моей судьбе
Взглянуть без ужаса, очей не опуская...
Не за себя скорблю под жизненной грозой:
Не я один погиб, не находя исхода;
Скорблю, что я не мог всей страстью, всей душой
Служить тебе, печаль родимого народа!
Скорблю, что слабых сил беречь я не умел,
Что, полон святостью заветного стремленья,
Я не раздумывал, я не жил, — а горел,
Богатствами души соря без сожаленья;
И в дни, когда моя родная сторона
Полна уныния, смятенья и испуга, —
Чтоб в песне вылиться, душа моя должна
Красть редкие часы у жадного недуга.
И больно мне, что жизнь бесцельно догорит,
Что посреди бойцов — я не боец суровый,
А только стонущий, усталый инвалид,
Смотрящий с завистью на их венец терновый...

27 июля 1884

**Федор Кузьмич
Сологуб
(1863—1927)**

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод,

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1892